

Татьяна Правдина

*Разговор
со своими*

Правдина

ДЕКОМ

Имена (Деком)

Татяна Правдина
Разговор со своими

«Деком»

2016

ББК 84(2Рос-Рус16)

Правдина Т. А.

Разговор со своими / Т. А. Правдина — «Деком»,
2016 — (Имена (Деком))

ISBN 978-5-89533-363-1

Воспоминания Татьяны Александровны Правдиной знакомят читателя со средой, когда-то казавшейся неотъемлемой частью культурной жизни в России – а теперь ускользающей. Это мир старой московской интеллигенции. И написана она в духе застольных разговоров, что памятно старшему поколению. Татьяна Правдина происходит из знаменитой семьи промышленников Шустовых (освежите в памяти Бунина и Куприна и поймете, о чем речь). Но, в отличие от многих промышленников после революции, Шустовы Россию не покинули. Судьба родителей мемуаристки, Татьяны Шустовой и Александра Правдина, неразрывно связана с трагическими страницами истории страны. Репрессии, лагеря, тяжелые военные годы – семья Правдиных сумела перенести это не сломившись. Сама Татьяна Правдина, востоковед по образованию, жила и работала среди тех, кто составлял цвет московской интеллигенции. Здесь и те, чьи имена стали легендами: Александр Твардовский и Мстислав Ростропович, Орест Верейский и Эльдар Рязанов, – и просто хорошие люди, друзья и родные. И конечно же, особое место в повествовании отведено Зиновию Ефимовичу Гердту, для зрителей – всенародно признанному артисту, а для Татьяны Правдиной – любимому мужу Зяме. Обо всем этом автор рассказывает тем, кого считает «своими», с надеждой, «что своих много».

ББК 84(2Рос-Рус16)

ISBN 978-5-89533-363-1

© Правдина Т. А., 2016

© Деком, 2016

Содержание

От автора	7
Глава 1	8
Глава 2	19
Глава 3	25
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Татьяна Правдина

Разговор со своими

Моей Кате

От автора

Прежде чем начать разговор, люди знакомятся. Я, «автор», конечно же, не писатель, а старая, в нескольких поколениях, москвичка. Родилась в 1928 году, ношу странно-литературно-персонажную фамилию. Выяснила: со стороны отца его прадед – еврей, носил фамилию Варгафтик. Выкрестились и фамилию с идиша, искореженного немецкого, перевели «Wahrheit» – «правда».

В 2001 году издательство ДЕКОМ выпустило книгу «Зяма – это же Гердт!», в создании которой я принимала самое непосредственное участие. Счастливо сложилось, что книга была очень тепло встречена читателями и не единожды переиздавалась. Я не собиралась продолжать свою «книготворческую» деятельность, но и мои близкие, и друзья, и главный редактор ДЕКОМа, услышав мои разговоры – воспоминания, сказали, что их надо записать и выпустить книгу.

Вот поэтому и название: «разговор». А «свои» – это те, с кем легко говорить, те, в ком ты видишь, не обязательно, но хотелось бы, единомышленников. Это люди на одной с тобой волне, кому ты если и не нужен, то хотя бы интересен.

Мое поколение «уходящих натур» в детстве и старше мало что слышало о жизни своих предков, их трудностях и радостях. Было не принято распространяться о прошлом, особенно в семьях «бывших». Но зато и Лев Николаевич, и Антон Павлович были к нам на сто лет ближе, от них и знали о предыдущей жизни.

Всё, что являет собой этот «разговор», – это воспоминания о жизни, со сбитой хронологией и сюжетом.

Извиняйте, если что не так...

Татьяна Правдина

Счастье – это воспоминание.

Виктор Пелевин

*Нам не дано предугадать,
Как наше слово отзовется, –
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать.*

Ф. И. Тютчев

Глава 1

Случайное начало

Случайное начало разговора. – Станция Яя. – Встреча Шуни и Шуры. – Первый брак папы. – Шустовы.

– Прекрати сейчас же, или я тебя выпорю!

Услышав этот вскрик, более похожий на междометие, знакомый многим, имевшим дело с детьми, мой пятилетний внук так на него и отреагировал – спокойным, вальяжным голосом, свидетельствующим о понимании совершенной невозможности исполнения угрозы, спросил: «Баушка, а тебя когда-нибудь пороли?»

Неожиданно отброшенная в его возраст, я вспомнила: «Да, однажды, по-настоящему – ремнем». – «Как?! Расскажи...»

В 1933 году моя мама, Шустова Татьяна Сергеевна (ей был 31 год, и все звали ее так, как звали в гимназии, Шуня = *Шустова* + *Таня*), и я, пятилетняя, уже больше двух лет жили в сибирской деревне на реке Яя. Кроме железнодорожной станции с этим же названием там был лесопильный завод и концентрационный лагерь, из-за которого мы и снимали комнату в деревне у тети Луши.

Тогда, как говорили в сороковые и позже, были «гуманные» времена, и заключенных под выходной день после работы и до середины выходного выпускали из лагеря, если было к кому. Поэтому, не вспоминая декабристок, Шуня после ареста в мае 1931 года моего папы, Правдина Александра Викторовича, тогда же завербовалась в Москве на работу в Сибири в контору лесопильного завода рядом с лагерем, чтобы мужу было «к кому».

* * *

Несомненно, самым счастливым временем для моих родителей было первое десятилетие их совместной жизни, начавшейся в двадцать втором году и длившейся пятьдесят пять лет, так и не став «законным» браком – они не зарегистрировались, не обвенчались и ушли из жизни в один и тот же семьдесят седьмой год.

1921

Четверка гребчих, Шуня – первая справа. Тренер – Анатолий Переселенцев

Москва, Яхт-клуб, команда гребчих. Шуня сидит в первом ряду вторая слева

Пятерка теннисистов. Шура – крайний слева

В год их пятидесятилетнего «греха», за пять лет до их ухода, мы с Зямой (моим мужем, Зиновием Гердтом) праздновали этот, для нас все-таки золотой,

юбилей. Я уговаривала маму пойти в ЗАГС и зарегистрировать брак. Главным моим доводом было, что дадут справочку и можно будет в магазине «для новобрачных» купить туфли. «Не говори глупостей, – говорила она, – я должна проверить чувства».

А тогда, весной двадцать второго, они встретились в поезде Москва – Петроград. Две группы спортсменов, теннисисты и гребцы академической гребли, ехали на соревнования – тогда еще не разыгрывалось первенство Советского Союза (он образовался в декабре того же года), а главными были встречи Москвы и Петрограда. Среди теннисистов был мой папа, Шура Правдин, один из ведущих игроков Москвы. Двадцатисемилетний, высокий, загорелый с ранней весны темным загаром, с обаятельным взглядом, всеми обожаемый. Среди гребчих – Шуня, двадцатилетняя чемпионка Москвы в одиночке (лодка «Скиф») и в восьмерке, совсем не красавица, но привлекавшая внимание стройной английской фигурой и немислимой детской чистотой («скрипучестью» – рассказывал мне папа), сохранившейся до конца дней.

Команда московских теннисистов, второй слева в первом ряду – А. Правдин. 1922

* * *

Шура в это время был женат и имел двоих сыновей, семи и двух лет, но хорошим мужем и отцом не был – женился не по любви, а по долгу, приказал отец, Виктор Михайлович, который сам был женат тремя церковными браками. Александр Викторович окончил юридический факультет Московского университета, хорошо работал, но все свое свободное время и страсть отдавал спорту – футболу, хоккею, боксу, главным образом теннису. Был видным в Москве молодым человеком, в которого все влюблялись. Не миновала этого и первая кра-

савица Москвы Лидия Энгельгардт. Узнав о свершившемся грехе, отец приказал жениться, сохранилась даже фотография шикарной свадьбы.

Единственная, увы, неудачная свадьба. В центре – Шура, невеста – Лида Энгельгардт, Виктор Михайлович Правдин – отец, сзади – отец Лидии

Ему двадцать, Лиде двадцать один – более неподходящих друг другу людей трудно найти: он – спортивный, веселый, гуляка, она – красавица без улыбки, скучно и безрадостно несущая свою красоту. Только те браки удачны, в которых соединившиеся люди живут на одной волне, то есть помимо любовников могут стать друзьями. Ведь дружба счастливее любви – она не бывает несчастной, невзаимной, иначе это не дружба.

* * *

Спустя несколько лет после развода Лидя вышла замуж за тихого Семена Герасимовича и была вполне счастлива. А папе моему тоже повезло, что он выбрал Шуню.

Шустовские дети – Катя, Боря, Таня (Шуня), Лиза

Она же, дочка очень богатого капиталиста Сергея

Николаевича Шустова из знаменитой компании водок и коньяков «Шустов и сыновья», была воспитана, при гувернантках и горничных, необыкновенно демократично. С детства всех детей (был брат и две сестры) приучили все делать самим – и постель оправлять, и пыль вытирать, и в гимназию не возили на выезде, который имелся, а ездили на конке. Давали денег на дорогие места, но Шуня брала дешевые, чтобы на сэкономленные деньги покупать конфеты – черно слив в шоколаде, так как дома сладкого до пятичасового чая получить было нереально. И спортом занимались, и три языка (английский, немецкий, французский) по-настоящему знали.

Поэтому, когда, как говорила мама, «случилась» революция и семья вместо двенадцати комнат стала жить в двух – в одной отец с братом, в другой Шуня с сестрами (их мама умерла в том же году) – все было воспринято совершенно спокойно и считалось справедливым.

«Шустовская реклама»

Шуня поступила в Московский университет, но через год вынуждена была уйти – надо было зарабатывать. Отец, Сергей Николаевич, оставался работать на бывшем «своем» заводе в Москве, так как рабочие завода вошли с ходатайством к Ленину, и его не тронули, оставив директором завода. До 1933 года, когда дедушка скончался, мама ходила к нему на работу брать справку, что он не «лишенец», потому что с фамилией «Шустова» жить было достаточно сложно.

Семья Шустовых. Третья слева – Шустова Александра Гавриловна, моя бабушка, дед Сергей Николаевич – крайний справа. 1916

Сначала работала в архиве – переводила царские письма: царь и царица переписывались по-немецки и по-английски. Рассказывая об этом, говорила, что было очень скучно, так как Николай Второй, по ее словам, был мелкий обыватель, лирически рассказывавший, как прошел завтрак и что подавали, а царица – просто холодная немка. Затем всю жизнь работала на разных канцелярских должностях, печатала на машинке (и латиницей).

Справки

Сравнение жилищно-коммунального хозяйства
№ 909 дома № 7 по Боровицкому
Ступинскому переулку настоящим
удостоверяет, что г-р. Шустова
Фатима Сергеевна проживала
в вышеупомянутом доме
в кв. № 8 с 1908 г. по ноябрь 1923 г.
и что в актах и текущих
делах Жилищно-коммунального хозяйства
никаких данных о личности
г-р. Шустовой в отношении
Советской власти не имеется.

№ 62
20 июля 1924 г.

Председатель Сравнения
подпись (чл. РКП партбилет № 122430
домашн. теле 4-86-23)

Член Сравнения
подпись (чл. РКП партбилет № 130303
подпись (чл. РКП партбилет № 120899)

Такую справку Шуня брала каждые три года

Глава 2

Возвращаясь к началу

Палаты Шуйского. – Друзья родителей. – Няня Дуня. – Процесс Промпартии, арест папы. – Станция Яя. – Школа в Большом Вузовском. – Подруга Таня Калиш.

Вернувшись из Петрограда, родители были уже вместе, но жить было негде: у Шуры – квартира в Мансуровском переулке, где жена с детьми, у Шуни – комната в коммуналке, где две сестры. Но – друзья! Друг Шура Цоппи находит в переулке в центре Москвы, недалеко от места, где живет сам, полуподвал в доме – палатах Шуйского, который стоит и сегодня. С электричеством и изразцовой печкой, водой и канализацией в нежилой части подвала, но зато без соседей! Там прожили до 1970 года – столетия Ленина – когда стали переселять из подвалов. Я там родилась, родила свою Катю и жила до тридцати лет.

Дом Шуйского. Родной дом. И доска – свидетельство его древности

Поэтому в дни смерти родителей (мама – 5 апреля, папа – 16 сентября 1977 года) хожу не на кладбище, а к своему родному дому...

В этот подвал в качестве приданого Шура принес барометр, а Шуня привезла из барской квартиры на Страстном бульваре спальню своей мамы и буфет (его пришлось бросить при выезде из подвала в новостройку). Было очень уютно, но сыро – около лестницы даже выросли грибы.

Барометр «Имущественный вклад в новую семью А. В. Правдина»

Как я уже сказала, первые – с двадцать второго по тридцать первый – годы были самым счастливым временем их жизни. Работали, зарабатывали, был НЭП – все было. Занимались спортом, был широкий круг московской интеллигенции: дружили актеры и спортсмены, особенно с ваханговцами, вторым МХАТом: подруга – красавица Бакланова, подруга и Варя Обухова, сестра знаменитой певицы Надежды Андреевны Обуховой, актриса Малого...

Всеми семейными обязанностями занималась Шуня: следила, чтобы вовремя платились алименты, определяла старшего папиного сына Виктора в Алферовскую гимназию, в которой когда-то училась сама и которая считалась самой прогрессивной.

Вероятно, гимназия такой и была – за ответы не ставили оценок. И так было ясно, кто чего стоит, а достоинство учеников низкой оценкой не унижалось. Здание стоит и сегодня на высокой набережной Москва-реки

напротив Киевского вокзала, много лет в нем находится районный суд. Я была в нем по защите одного сотрудника своей редакции, а в наши дни прошел процесс над Ходорковским... одолевает печаль!..

Мама вела дом с помощью строгой Маши, работавшей ранее в шустовской семье, которая крахмалила пижону Правдину рубашки (утром и вечером надевал свежие), запекала в тесте окорок на Пасху – блюла традиции зажиточного русского дома. Но выдержать рождение ребенка не захотела, и поэтому в 1928 году появилась няня Дуня, не Арина Родионовна, но по душевному складу и преданности – чисто русское явление.

Когда ребенку (мне) исполнилось два месяца, молока не было, Шуня пошла работать, а няня Дуня, взяв под мышку сверток с дитем, ходила в молочную кухню. И довольно рано, когда я начала разговаривать, то все родительские друзья использовали мою – естественно, взятую от Дуни – лексику: «Съешьте еще кусочек!» – «Не могу, отрываю». Или, вернувшись из зоопарка: «А у бегемота вонишша!»

Так длилось три года с моего рождения до Шуниного отъезда со мной в Сибирь. Дуня вернулась в деревню, а в тридцать пятом, когда мы вернулись из Сибири, прислала нам свою дочку Ньюшу. Ньюша пробыла у нас до начала войны и тоже должна была вернуться в деревню, потому что карточек, ни продовольственных, ни промтоварных, временно прописанным (сегодня – «зарегистрированным») не давали. И с карточками-то было не очень сытно, а без них полностью невозможно.

* * *

В двадцать девятом году прошла первая кампания против «врагов народа» – процесс Промпартии. Ни народ, ни его «прослойка» – интеллигенция, судя по рассказам, не поняли, началом чего это было. В 1931 году мой отец Правдин, успешно работавший во внешнеторговой организации Восгосторге по торговле с Ираном, был в командировке в Баку. И 6 мая был арестован и перевезен в Москву. Событие было столь невероятным, что вызванная к следователю гражданская жена Шуня разговаривала с ним строго и повелительно: разбирайтесь побыстрее с вашим недоразумением, начинается сезон, Александр Викторович должен тренироваться, а то будет не в форме.

А с ним в те «гуманные» времена разговаривали доверительно: вы ведь советский человек, должны нам помочь, расскажите, как в полночь вы встречались с иранскими торговцами, и т. д., и т. п. Призывали к патриотизму, уверяя: как только он напишет то, что потом называли «романом», он будет немедленно отпущен. И через два месяца Бутырской тюрьмы он был отправлен в концлагерь на станции Яя, в Сибири.

Вот мы вернулись к тому, как меня пороли. Папа в лагере, мама на работе в конторе завода, хозяйка тетя Луша занята коровой и кухней. Поэтому я, пятилетняя, в черной, сшитой из овчины шубе-сборчатке, в морозную, но тихую сибирскую зиму гуляю одна по деревне. Подхожу к почте, оттуда летом на телеге, которую везет лошадь, развозят почту (и в лагерь тоже). Зимой лошадь тянет кибитку, стоящую на санях. Я прицепляюсь сзади кибитки на полозья саней, она черная, и я в черной шубе... Никто не заметил. Въехали в лагерь, я сошла с саней, и тут же подлетел охранник:

– Ты откуда, что тебе?

– Мне папу, Правдина...

Поднялся крик, и, хоть прошло уже более восьми десятков лет, помню папу, седого (в 38 лет!), выскочившего из барака в одной рубашке... Наверное, его любили, потому что я тут же оказалась за воротами. А когда через день папа пришел к нам, меня пороли... Понять родителей можно: в лагере было много малолеток (детей зеков, родившихся в лагере), могли бы оставить разбираться.

«Гуманные» времена кончились: в декабре тридцать четвертого убили Кирова, зеков перестали выпускать, но мы продолжали жить на Яе в надежде на возврат былых порядков. Шуня даже отдала меня в деревенскую школу, куда я проходила полтора месяца до нашего отъезда. Делать мне там было нечего, так как к тому времени я, вероятно, вследствие скучной и беспризорной деревенской жизни, свободно читала, писала, считала... Но зато я знаю, как происходит обучение всех классов, с первого по седьмой, в одной комнате и одним учителем.

Потепления не произошло, и даже хуже – зеков начали отправлять в более строгие лагеря: папу отправляли в Коми, в Воркутинский лагерь, за Котлас, под город Чибью. Перед отправкой дали свидание в пересыльной тюрьме города Мариинска. Там я и видела папу в последний раз перед перерывом в шесть лет, до 1941 года, когда его выпустили. Не говорю «освободили», потому что начался период жизни семьи, к которому определение «свободный» применить трудно.

Шуня с Таней. Посёлок Яя. Лето 1934

Шуня со мной, семилетней, вернулась в Москву, устроилась с помощью друзей на работу, устроила меня в школу, именно «устроила»: был уже ноябрь, и вообще тогда семилетних не брали – взяли «условно», то есть с тем, что моя успеваемость не будет входить в зачет класса. Но после зимних каникул в зачет взяли: хвастаюсь – училась я лучше всех.

* * *

Эта школа № 327 находилась наверху Большого Вузовского переулочка (и сейчас там же), была известной в Москве, как несколько лет назад школа № 45 – Мильграмовская. Ее черный вход выходил в наш, Малый Вузовский. И меня туда водила (ходу пять минут) девочка Таня Калиш, старше меня на три года. Она была дочкой наших соседей по двору. Чуть выше наших Шуйских палат был дом начала века, где в большой коммуналке на высоком первом этаже, занимая три комнаты, жила семья Калишей – Шлезингеров. Дружило младшее поколение – Таня и я. А когда папа вернулся после реабилитации, стали общаться и старшие. Танин папа – Василий Калиш был постоянным участником субботнего преферанса, организуемого моим папой. В папиной записной книжке на букву «п» была запись: «партнеры».

Таня не только проводила много времени со мной – играли у нас или у них, но и в школе очень опекала. Вместе с ней меня опекал весь ее класс! Давали книжки читать, водили на каток...

Война. Все разъехались. Но они (Танин класс) связь поддерживали, и после победы собрались и решили регулярно встречаться. Замечательно это осуществляли в течение многих лет.

Однажды, я уже замужем за Гердтом, мне звонит Таня и говорит, что они собираются в очередной раз, и все попросили позвать меня. Удивившись, но и очень обрадовавшись, оставляю Зяме телефон (так у нас было заведено для спокойствия) Майки Печенник, у которой собирались в этот раз. Она продолжала жить, где жила, и мне было легко – я в детстве там бывала!

Взяв какое-то количество выпивки, я прибыла. Удивительно, но через четверть века узнавали друг друга! Звоню, Майя говорит, что просят меня. Конечно, Зяма:

– Спроси, можно, я приду?

– Тут лифта нет, а этаж третий!

– Неважно, мне очень хочется, интересно!

Конечно, все радуются, им тоже интересно, Гердт живьем!

Когда Зяме хочется, и третий этаж берется без особого задыхания!

Люди одного круга – великое дело. Хоть Зяма старше не только меня, но и их. Общение на одной волне, как будто он тоже из нашей предвоенной жизни. Он вдруг говорит Григорьеву (имя забыла): «Давай поменяемся рубашками!» И тот соглашается, под общий хохот меняются. Полная чепуха, но ведь запомнилась!..

С Маей Печенник общалась до ее ухода, а ее прелестная дочка... живет там же и 9 Мая всегда звонит.

Глава 3

Опять мама и папа

Открытки в лагерь. – Шуня и начальник лагерей Мороз. – Папа выходит из лагеря. – Бабушка Мария Зиновьевна и тетя Женя. – Меня крестили...

То, что папа остался жив и не стал неполноценным депрессивным человеком, произошло не только благодаря спортивной закалке, но главным образом благодаря Шуне. Все десять лет, проведенные в заключении, он не был оторван от дома: три с половиной года в Сибири она была рядом, а когда перевели на Воркуту, каждый год ездила на свидание – иногда давали на два часа, иногда даже на сутки. А в тридцать девятом не дали вообще, и она, проехав на поезде, потом на катере, потом на грузовике, стояла на пригорке – их гнали на работу, и он ее видел...

Шуня, Таня. 1937

Тем не менее самым героическим в ее жизни я считаю то, что в течение семи лет, неукоснительно, через день (!) она писала ему письма, в которых была вся жизнь дома. Это были не письма, а открытки – чтобы цензорам не надо было делать лишних движений, опытом было доказано, что открытки лучше доходили. А когда в тридцать седьмом от папы перестали приходить разрешенные ему письма, она, естественно, ужасно волнуясь, разными путями узнала,

что в Москву приезжает начальник Воркутинских лагерей Мороз. Подумав, где бы он мог остановиться, она решила, что это гостиница "Москва".

И в воскресное весеннее утро, взяв меня, девятилетнюю, пришла в гостиницу «Москва» (тогда можно было войти). Спокойно спросила: «В каком номере товарищ Мороз?» – ей называют. Помню, как сейчас: поднимаемся на второй этаж, стучим – и на разрешающий ответ входим. Большая комната в ярком утреннем свете, двое мужчин – один за письменным столом, второй бреется около раковины.

– Здравствуйте, кто из вас Мороз?

– Я, – отвечает тот, за письменным столом.

– Я жена заключенного Правдина, он жив?

Очевидно, сраженный полной неожиданностью – центр Москвы, тишь да гладь, яркое солнце, молодая женщина, девочка – отвечает:

– Да.

– А почему от него нет писем?

– Он в строгом изоляторе.

– Спасибо.

И мы уходим. Главное она узнала: жив!

Думаю, сегодня только люди моего поколения могут понять, сколько отваги надо было иметь, чтобы так действовать. Дальше только неустанные усилия: адвокат, письма, заявления – и удалось вытащить его из изолятора. Выяснилось, что в него папу посадили в конце зимы по приказу именно Мороза. Тогда в Коми искали нефть (потом, спустя полтора десятилетия, ее нашли!) и бурили в разных местах. Правдин как грамотный был бригадиром на одной из установок. Для охлаждения буровой машины нужна вода, ее брали из близлежащей реки. Зима в тот год была чрезвычайно морозная, и река промерзла до дна. Бурение остановилось. С инспекцией приехал Мороз – «Саботаж!». Изолятор, натравливание собак... Кстати, чекистская машина катилась, захватывая и своих: через год Мороза расстреляли.

* * *

В начале тридцатых в лагерях была система зачетов: за хорошую работу, бывало, считали день за два. У папы было много «зачетов», и он должен был бы выйти задолго до окончания срока. Но все это отменили, и он вышел ровно через десять лет. Он, понимая нищенское существование семьи – за эти годы было продано все, что оставалось от прежней жизни, а Шуня работала как проклятая, растила ребенка, посылала посылки, ездила на свидания с ним – предложил, что останется вольнонаемным, чтобы получать большие «северные».

Таня – пионерка. 1940

Но мудрая Шуня, слава богу, не позволила это сделать: когда началась война, всех вольнонаемных заключили обратно в лагерь. И 6 июня сорок первого (!) мы встречали его на Ярославском вокзале: Шуня, я, тетя Женя – папина сестра Евгения Викторовна и бабушка Мария Зиновьевна, его мама, с которой он не виделся двадцать лет...

Откуда двадцать? А так: оставленная мужем, несмотря на церковный брак, с двумя детьми, которыми, надо отдать ему справедливость, он занимался до конца своих дней, бабушка, вполне еще молодая, вышла замуж за Петра Михайловича Ярцева. Была с ним счастлива и в двадцать первом году вместе с мужем и другими литераторами-интеллигентами Серебряного века уехала сначала в Киев, а потом они эмигрировали за границу. Когда муж умер (в это время они были в Болгарии), стало ясно, что нужно возвращаться. Благодаря невероятным усилиям тети Жени в 1933 году она приехала в Москву.

Сын уже два года как был в лагере. Познакомилась с новой его женой Шуней и новенькой пятилетней внучкой. Ужасно, но ничего не знаю и никогда не узнаю, ведь мы с ней очень дружили, не только о ее жизни за границей, но и о ее детстве, молодости, ее родителях – они же мне прабабушка и прадедушка! – о том, как вышла замуж за папиного отца... Знаю только, что

в детстве жила в Киеве. Когда переехали в Москву, не знаю. Только одно и помню, что девичья ее фамилия была Хмельницкая. Она рассказывала, как в гимназии, когда ей делали замечание, говорили: «А это памятник не вашему ли родственнику стоит?» – имелся в виду памятник Богдану Хмельницкому. Но удивительно, недавно мне попала книга Бориса Зайцева, большого русского писателя, запрещенного в сталинские годы, наконец изданного у нас, о котором мне рассказывала мама, высоко о нем отзываясь. И в этой книге, в рассказе «П. М. Ярцев» – подробный рассказ о Петре Михайловиче и его жене – моей бабушке¹.

Сегодня трудно себе представить, что даже у себя дома нельзя было разговаривать о чем бы то ни было, связанном с границей. И тете Жене, и Шуне стоило больших трудов объяснить бабушке, что переписываться с ее старшим братом, живущим в Америке, категорически нельзя!

¹ Борис Зайцев. Улица святого Николая. Повести и рассказы. М.: Художественная литература, 1989.

Шуня

Бабушка полюбила Шуню, конечно, была ей благодарна за сына и очень нежно относилась ко мне. С разрешения Шуни втихаря крестила меня в церкви на Большой Никитской – напротив консерватории. Мне было шесть лет, я это помню.

Все происходило очень быстро: был священник, ему помогал маленький старичок, бабушка и я. Никого больше, никаких крестных. Полили на макушку водичкой, помазали лоб и прочитали молитву. Бабушка все время крестилась сама и крестила меня. Надели крестик, но дома сняли: могли увидеть чужие, и он остался у бабушки, куда девался потом – не знаю.

Родители – и папа, и мама – не были атеистами, но и верующими тоже не были. Они выросли в начале века в семьях, я бы сказала, «деловых»: папин отец Виктор Михайлович Правдин – сын женившегося на русской, вероятно, выкрестившегося еврея Варгафтика (так что во мне одна восьмая еврейской крови тоже есть!), был видным процветающим юристом; мамин – Сергей Николаевич Шустов, чей дед Леонтий пришел в Москву из Рязанской губер-

нии, – стал крепким купцом, а его отец Николай Леонтьевич основал ликерно-водочно-коньячную, ставшую знаменитой, Шустовскую фирму. Все они были православными, по праздникам ходили и водили детей в церковь, пекли куличи и даже постились в строгие дни постов, но, конечно, истинно верующими не были, поэтому к советскому атеизму отнеслись спокойно.

Во время войны мы с мамой в нашем подвале оказались в лучшем положении, чем люди в хороших домах с центральным отоплением. Топить перестали, а у нас были печка и дрова в сарае во дворе. Но все поставили буржуйки, выведя трубы в форточки, и дрова из сарая стали воровать. Поэтому мы выкинули из подвала кухонный, еще шустовский, длинный-длинный стол, покрытый целиковой настоящего мрамора доской – чтобы на его место положить дрова. Из него вынули формы для куличей, сложенные как матрешки – штук десять, размером от граненого стакана до почти ведерного. Их тоже выкинули, так как было полное ощущение, что они никогда не понадобятся.

Иконы в родных домах были только у бабушки. Мне повезло: я независтлива и очень жалею завидующих людей – совершенно лишняя область для страданий. Но, если откровенно, бесконечно завидую двум категориям людей: истинно верующим (за всю жизнь встретила только с тремя) и музыкантам... Считаю верхом бестактности вопросы интервьюеров – «Вы верующий?» Все равно, что спросить о способе супружеской близости...

Возвращаясь к началу разговора о порке. При моем рассказе была и мама внука, моя дочка Катя, которая сказала: «Ты никогда мне об этом не рассказывала!» – «Но ты никогда и не спрашивала», – ответила я.

И опять я думаю: а я спрашивала? Даже маму – о рано ушедшей из жизни ее маме ничего толком не знаю... Не расспросила и папу о его бурной юности. Дивный эпизод знаю от тетки Жени: отец послал его, восемнадцатилетнего, в Лондон обучаться бизнесу, снабдив для этого приличной суммой. И первое, что он сделал по приезде в Англию, – заплатил внушительные деньги за участие в теннисном турнире. Ну, что? Золотая молодежь! А мы все недовольны своими молодыми!

Глава 4

Возвращение папы

Виктор Шнейдеров. – Папа Адольф и мама Юля. – Война. – Завидово. – Лидия Семеновна Баланеско. – Поиски работы для папы. – Шок от «родственника». – Шуня у генерала. – Работа в Мицуринске. – Дом Сидоровых. – Еда.

Встретив папу 6 июня сорок первого года, отвезли его к нашему другу Виктору Шнейдеру.

Почему не домой? Потому что все бывшие политзаключенные по пунктам 58-й статьи – у папы были пункты 6 и 7, шпионаж и контрреволюционный заговор – не имели права находиться на территории больших городов, тем более в столице. Уголовников это не касалось.

Виктор Шнейдеров – друг родителей со спортивной юности, сын замечательных Адольфа Матвеевича (пол-Москвы звало его папа-Адольф) и Юлии Густавовны Шнейдеровых, младший брат ставшего впоследствии очень известным кинорежиссером Владимира Шнейдерова (фильм «Джюльбарс» видели все). Старшие, вероятно, были потомками обрусевших немцев. Но тогда в их широком «тесном кругу» ни национальная, ни даже материально-социальная принадлежность никого не интересовала и, конечно, антисемитизм не полыхал. Важными были лишь интересы: спорт, театр, дружеские связи.

Теннисистки Софья Мальцева, Ольга Ольсен и Адольф Матвеевич Шнейдеров

До революции и во время нэпа Адольф Матвеевич занимался какой-то коммерческой деятельностью, был, как и Шустовы, среди видных руководителей Яхт-клуба (находился на Стрелке, на Москва-реке, где теперь громоздится церетелиевский Петр) – то есть был не богачом, но «в достатке».

«Мама Юля». Юлия Густавовна Шнейдерова, мать Виктора

Жили на Малой Никитской, в просторной по тем временам квартире на первом этаже, куда каждый подвыходной, а позже – в субботу, без приглашения приходили к накрытому столу старшие – друзья Папá Адольфа и Мамы Юли и следующие поколения – сыновья с действующими и бывшими женами (все дружили), соответственно друзья их поколения, и дети, дети всех.

Этот дом – одно из самых светлых воспоминаний моего детства. Шуня водила меня туда с тридцать пятого года (моих семи лет) и до начала войны. Взрослых было велено называть по имени (без «тетя», «дядя») и на «ты». Володя Шнейдеров приводил туда и актеров, которые у него снимались. Сильнейшее впечатление – крошечная корейка (из «Джувльбарса») распустила волосы – и они были до полу...

Итак – Виктор Шнейдеров. Был хоть и из мелкой, но буржуазной семьи и совсем еще юным стал яростным комсомольцем: вступил в ЧК и вместе с Виктором Кином² устанавливал на Дальнем Востоке советскую власть... Затем работал в Москве и в 1937 году был, естественно, арестован. Были выбиты зубы, отбиты почки и печень, но по приходе в 1938 году

² Кин Виктор Павлович (1903–1937) – настоящая фамилия Суровкин; русский писатель, автор романа «По ту сторону» о Гражданской войне на Дальнем Востоке; в 1937 году расстрелян.

Берии был полуживой, но выпущен. Выходили, остался больным на всю жизнь; ему было в это время сорок лет. Очень обозлился, но продолжал быть наивным – вернулся в НКВД, считая, что сможет бороться за справедливость. Стал абсолютно бесстрашен и без минуты колебаний взял бывшего зека к себе пожить. Напоминаю, это было 6 июня 1941 года...

Все близкие скинулись и решили послать Шуню и Шуру недели через две-три отдохнуть в Крым. 22 июня утром Костя Масс повез папу на ВДНХ: показать, чего достигла советская власть кроме лагерей, и покормить мороженым – папа его обожал. Когда он это мороженое доедал, в 12 часов дня выступил Молотов – объявили войну. Тут же вернулись, и стало ясно, что в Москве оставаться нельзя. Вечером мы с мамой провожали папу на Ленинградском вокзале на сто первый километр, в Завидово – куда до этого сразу после возвращения он съездил, зарегистрировался в НКВД и снял комнату в деревне.

Туда же через неделю меня и мою жесткошерстную девочку-фокстерьера Дорьку отвезла мама. Так что первую бомбежку Москвы 23 июля видела в виде красного зарева. Было значительно страшнее, чем потом, когда во время бомбежек была в Москве.

Мне было тринадцать, я до этого не виделась с папой более шести лет, и, естественно, было необходимо время для узнавания и привыкания. Я обязана считать, но и сама так думаю, что я человек счастливый: даже с детства, в самые-самые трудные моменты Господь-судьба посылает мне замечательных людей.

* * *

В Сибири – мне пять лет – хозяйка тетя Луша, не старая, совсем деревенская женщина. Как сейчас помню, умная и очень по-русски добрая. Когда идет доить корову, берет меня с собой и велит пить молоко, набирая его в кружку прямо из вымени: полезно, как материнское, теплое, не процеженное. Жалеет и самого зека, и жену его, и малую дочку...

И, конечно же, Лидия Семеновна Баланеско, которая была с нами рядом до конца своих дней. Она приехала из Москвы в нашу сибирскую деревню чуть позже нас, в 1933 году. У нее в лагере был муж. Мама была единственной москвичкой на станции Яя, они, естественно, сразу же познакомились. Лидия Семеновна пережила страшную трагедию. Была замужем за румыном Баланеско (у него в фамилии было «у»), были сын и дочка. Случился ужас, по разным причинам все (!) умерли в течение одного года. Она начала сходить с ума. И тогда смолоду влюбленный в нее двоюродный брат повез ее в путешествие на Алтай. Поженились, его арестовали, сослали в Сибирь...

Лидия Семеновна привязалась к маме и ко мне на всю жизнь. Жила рядом, не работала, а занималась мною. Рассказывала, когда гуляли в тайге, содержание всех опер и пела арии из них... Когда мужей перестали выпускать в деревню, а потом и перевели в другие лагеря, Лидия Семеновна, как и мы, вернулась в Москву. Жила, по счастью, недалеко от нас и бывала у нас постоянно. Ее мужа перевели в лагерь города Углич, где он и погиб. В Москве ею занималась мама, а после маминого ухода из жизни я. Возила продукты, а позже, когда она стала совсем старенькой, готовую еду. А жившие рядом с ней родственники не помогали совсем. Взять ее к себе мы с Зямой не могли, в тот момент было некуда. Устроили в лучший в то время дом для престарелых. Опять же счастье! По закону мы, не родственники, не имели права оплачивать пребывание престарелого человека. «Почему?» – «Можете в любой момент отказаться!» Но дивная работница этого дома поняла, что мы не откажемся...

Лидии Семеновне уже было девяносто три года, и она пробыла в этом «лучшем» кошмаре совсем недолго. Когда ее не стало, хоронить ее выпало нашему зятю Валере Фокину, потому что мы были на гастролях в Японии... По приезде должны были осуществить и осуществили завещанное: развеять прах. Оказалось – очень трудно! Не завещайте такого никогда...

Лидия Семеновна Баланеско с семьей

А здесь, в Завидове, деревенская женщина – хозяйка, у которой живем, полностью поняла ситуацию и помогла мне необыкновенно: во время бомбежки крепко держала, обняв, и все время сближала меня с папой, обучая заботиться о нем. Научила топить русскую печь, варить в ней в чугунах пшеничную кашу, считать малые деньги... Правильно поступают люди,

ведущие дневники: помню ее и всегда буду помнить, облик вижу, а имени вспомнить не могу... кажется, Наталья...

По приезде в Завидово папа сразу пошел в военкомат, проситься в армию (ему сорок шесть лет, брали и старше). Ему отказали, но послали на две недели на рытье окопов.

Я осталась с – будем так ее звать – Наташей. Телефона не было, мама раз в три дня присылала поддерживающие телеграммы: «Шибза (так она меня ласково звала), дорогой мой, держись, скоро увидимся...» Папа вернулся, на работу никуда не брали, решено было искать в округе. Поехали на станцию Редкино (следующая за Завидовым), а оттуда прошли восемь километров до ТОС (торфяная опытная станция), где работал инженером Гриша Натансон, муж маминой младшей сестры Лизы. До этого я его знала, хотя сестры общались мало. Мама была одна, папа был в лагере, а Лиза объявлялась только тогда, когда что-нибудь было надо. Но тут адрес дала... Когда мы нашли дом и на наш стук вышел Гриша, случилось то, что никогда не забуду: его обьятое страхом лицо и крик «Уходите, уходите сейчас же!» «Дай Тане воды» (был разгар июля, и мы прошли длинную дорогу), – сказал папа. – «Нет, уходите!..» Мы повернулись, и через несколько домов женщина, работавшая в огороде, вынесла к забору нам ведро воды...

Через три года Лиза, Гриша с дочкой Леной возвращались в Москву из эвакуации, куда уехали осенью сорок первого. Им надо было где-то остановиться, так как их комната была еще занята. Мама пустила их к нам, но меня отослала к тете Жене и бабушке, понимая невозможность нашей встречи.

* * *

Вернулись в Завидово, и через несколько дней через милицию папе предложили место в конторе колхоза в довольно близкой деревне. Перебрались втроем: папа, я и фокстерьер Дорька. Но через шесть дней папу вызвали в НКВД и дали предписание уехать в течение 24 часов. Он должен был указать, куда он поедет, учитывая при этом все минус-пункты. Он указал Рязань, так как для ее достижения надо было проехать через Москву.

Москва была уже на военном положении, и для въезда в нее нужен был пропуск, но деревенские энкавэдэшники об этом не думали. На Ленинградском вокзале нас встречали Шуня и тетя Женя. Мы являли собой, как я теперь понимаю, довольно странную компанию: высокий, красивый, не старый, но совершенно седой мужчина, загорелая девочка-подросток с породистой собакой и две молодые явно москвички... Бог есть – может, поэтому нас не остановили. Плюнув на все, поехали домой, и на следующий день умная и смелая Шуня пошла в главное милицейское управление к генералу по паспортизации Москвы и Московской области. Посмотрев папины бумаги, он сказал, что «они идиоты, все минусовики не имеют права жить в областях, находящихся на военном положении, в Рязанской в том числе». И даже, естественно, по Шуниной просьбе выдал за своей подписью бумажку, в которой были названы «чистые» области, среди них – Тамбовская.

* * *

Москва – большой город, но есть группы, вернее, круг людей, постоянно общающихся. Я уже говорила, что театральная, спортивная и музыкальная Москва составляла такой круг. Руководитель замечательного ансамбля скрипачей Большого театра Юлий Реентович (с родителями знаком не был!) сообщил, что в городе Мичуринске (Тамбовской области, ранее и теперь город Козлов) живет после лагерей его тетка, Софья Александровна, у которой по приезде можно поставить чемодан. Так и поступили. «По велению» Шуни Александр Викторович пошел прямо в НКВД, сказав, что все равно «с улицы» его, с его бумагами, на работу

никто не возьмет. И действительно, они направили его в контору Облторфсоюза, в которой нуждались в грамотных людях и где он, неплохо образованный в Московском университете и в семье, благополучно проработал тринадцать лет, вплоть до реабилитации, когда смог вернуться в Москву. Он был чрезвычайно полезен руководству этого учреждения, так что даже посылали изредка в командировку в Москву.

Прожив в Мичуринске три дня у Софьи Александровны, с ее помощью снял комнату у стариков Сидоровых. Эти люди тоже из числа тех, кого в трудные минуты посылает небо и кого я буду помнить до конца моих дней. Старик (так мне тогда казалось, наверное, ему было около шестидесяти – в армию не взяли) Иван Васильевич работал на местном спиртзаводе. При всей его порядочности дом был полная чаша. Хозяйка, его жена Мария Петровна, дивная, хваткая, добрейшая русская женщина, с помощью кормов с этого завода держала корову, свиней, кур-гусей...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.